

Миграция населения в контексте экономической безопасности и социальной стабильности

Липатова Л. Н. *, Градусова В. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *In.lipatova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель: анализ миграционных потоков в современной России и выявление связанных с миграцией населения возможных угроз экономической безопасности и социальной стабильности.

Методы: системного подхода, демографического анализа, сравнительного анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов.

Результаты: на основе данных официальной статистики и экспертных оценок проведен анализ ситуации в сфере миграции населения в России, выявлены основные направления перераспределения населения, обоснована необходимость корректировки социально-экономической политики в регионах, испытывающих значительный миграционный оборот.

Выводы: сделаны выводы о возможном усилении негативного влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие Российской Федерации в целом и отдельных регионов, в частности, что требует их детального изучения в целях принятия мер по оптимизации миграционных потоков и корректировке социально-экономической политики.

Ключевые слова: население, миграция, экономическая безопасность, социальная стабильность, трудовой потенциал, рынок труда, государственная социально-экономическая политика

Для цитирования: Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция населения в контексте экономической безопасности и социальной стабильности // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 56–72.

Population Migration in the Context of Economic Security and Social Stability

Ljudmila N. Lipatova*, Valentina N. Gradusova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *In.lipatova@yandex.ru

ABSTRACT

Target: analysis of migration flows in modern Russia and identification of possible threats to economic security and social stability associated with population migration.

Methods: a systematic approach, population analysis, comparative analysis, generalization and interpretation of the results.

Results and discussion: On the basis of official statistics and expert estimates, an analysis of the situation in the field of population migration in Russia was carried out, the main directions of population redistribution were identified, the need for adjusting the socio-economic policy in regions experiencing significant migration was substantiated.

Conclusions. Conclusions are drawn about the possible increase in the negative impact of migration processes on the socio-economic development of the Russian Federation as a whole and individual regions, in particular, which requires their detailed study in order to take measures to optimize migration flows and adjust social and economic policies.

Keywords: population, migration, economic security, social stability, labor potential, labor market, state socio-economic policy

For citing: Lipatova L. N., Gradusova V. N. Population Migration in the Context of Economic Security and Social Stability // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 56–72.

Вопросы миграции всесторонне изучаются мировой наукой. Большой вклад в изучение мотивов, масштабов, направлений и последствий массового перераспределения населения внесли зарубежные ученые географы Э. Г. Равенштайн [32; 33; 34], В. Зелински [39], социологи С. Стоффер [37], Д. Массей [29], Э. С. Ли [28], филолог Д. К. Зипф [40; 41] и представители других наук. В условиях глобализации, когда масштабы территориальных перемещений населения сильно возросли, актуальность таких исследований возрастает.

Предметом изучения в данной статье стала экономическая сторона миграционных процессов. Современные исследователи миграционных потоков подчеркивают их явно выраженную ориентацию из периферии в центр (из развивающихся стран в развитые государства), отмечают, что миграция способствует размыванию границ и ослаблению суверенитета государств [25]. Современной ситуации в сфере миграции и влиянию процессов глобализации на активность территориальной мобильности населения посвящены работы экономистов С. Сассен [35; 36], С. Каслса, М. Миллера [22], Д. Харриса, М. Тодаро [24] и других известных ученых.

Так, Джон Харрис и Майкл Тодаро исследовали взаимное влияние миграционных процессов и ситуации на рынке труда [24]. Другой теоретик миграции — Эверетт С. Ли, развивая концепцию Э. Г. Равенштайна, отмечал, что с местом прибытия и выбытия связаны как позитивные, так и негативные факторы. К первым он, в частности, относит стремление воссоединиться с семьей, повысить качество жизни своей семьи и др., а к негативным обстоятельствам, сказывающимся на принятии решения о смене места жительства, — многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются люди при переезде [28].

Зарубежные авторы, изучающие основные экономические факторы трудовой миграции (концентрация и перераспределение капитала, транспортные возможности, рост численности рабочей силы и др.), доказывают положительную корреляцию между распределением населения и ВВП на душу населения [27]. Особое внимание современные исследователи уделяют гендерным аспектам миграции, подчеркивая особую уязвимость женщин-мигрантов [21; 25; 26].

Г. Адугна, посвятивший свое исследование изучению режимов и структуры миграции из Эфиопии, выявляет связь миграционной динамики и запросов со стороны рынков труда принимающих стран, включая требования к квалификации и полу прибывающей в страну рабочей силы [20]. Изучая социально-демографические последствия миграции, Л. Ванг и другие исследователи из Китая отмечают, что успеваемость и психическое здоровье детей вследствие миграции родителей ухудшаются. Авторами было также на основе опроса установлено, что родительская миграция сильнее сказывалась на оставленных девочках, чем на мальчиках [38].

Каждая страна имеет свои особенности в развитии процессов миграции. Изучению миграции в России посвящены работы Н. В. Парикова [11], Л. Л. Рыбаковского [13], О. Л. Рыбаковского [14], С. В. Рязанцева [15] и других ученых. В последнее время проблемы миграции все чаще связывают с экономической безопасностью страны. Влияние массовых перемещений населения на экономическое развитие исследуют в своих работах Х. М. Вахаев [1], В. А. Волох [2], Т. М. Гаврилова [3], Н. В. Дементьев [4] и другие ученые. Исследованию рассматриваемых проблем на региональном уровне посвящены работы Л. Н. Липатовой, В. Н. Градусовой [7], Н. А. Пруеля [12], С. С. Фешиной [16], М. Ю. Хавинсона, М. П. Кулакова, С. Н. Мишука [17], В. С. Цырюльникова [18], И. А. Юрасова, О. А. Лузгиной, В. Д. Дорофеева [19].

Следует отметить, что под воздействием многих причин ситуация быстро меняется. Это делает необходимым проведение дальнейших детальных исследований в практической плоскости. Основная цель данного исследования — провести анализ миграционных потоков в современной России и выявить связанные с миграцией населения угрозы экономической безопасности и социальной стабильности.

Материалы и методы

При проведении исследования источниками информации послужили данные Федеральной службы государственной статистики, ее территориальных органов, а также экспертные оценки специалистов. Исследование проводилось с использованием системного подхода, методов демографического анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов.

Результаты

Территориальная мобильность россиян в последние годы значительно усилилась. Это касается как международной миграции, так и перераспределения населения внутри страны. Ограничивать перемещения людей между странами, как показывает опыт европейских стран, испытывающих приток мигрантов из стран Азии и Африки, сложно, а внутри страны практически невозможно. Но при разработке социально-экономической политики необходимо иметь в виду, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызвать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Ситуация в европейских странах, столкнувшихся с проблемой миграции, наглядно это подтверждает.

На федеральном уровне миграционный прирост в РФ не вызывает никаких опасений. Более того, в стране реализуются государственные программы по привлечению на территорию России граждан других государств. В России существует другая проблема, связанная с перемещением населения — эмиграция, способная нанести значительный урон человеческому потенциалу страны, а значит, и ограничить возможности развития. Хотя масштабы миграции из России незначительны и в основном поток выбывающих представлен иностранными гражданами (более 80% в 2016 г.), следует обратить внимание на значительный и быстрый прирост численности покинувших страну россиян — за 7 лет этот показатель увеличился почти в два раза (табл. 1).

В 2016 г. РФ наиболее активный обмен населением осуществляла со следующими государствами дальнего зарубежья: Китай (14% совокупного оборота миграции со странами дальнего зарубежья), КНДР (11%), Грузия (9%), Германия (7%), Индия (7%), Вьетнам (6% совокупного оборота миграции со странами дальнего зарубежья)¹. Положительным сальдо миграции было в 2016 г. только в обмене со следующими странами дальнего зарубежья: Абхазия, Афганистан, Болгария, Вьетнам, Грузия, Индия, КНДР, Латвия, Литва, Сирийская Арабская Республика, Турция, Эстония.

Анализируя структуру миграционного потока, следует обратить внимание на такие новые и вместе с тем активно развивающиеся направления, как Китай, КНДР, Индия, Вьетнам. Учитывая языковую специфику данных направлений и темпы нарастания обмена (совокупный миграционный оборот по этим 4 странам в 2010–2016 гг. возрос более чем в 16 раз), можно предположить, что осваивает их в основном молодежь. Именно это обстоятельство и вызывает особое беспокойство. Эта возрастная категория, как правило, легко адаптируется к новым условиям. Более того, современная молодежь проявляет склонность к экзотике и экстриму. Многие из современных молодых людей знают несколько языков, особый интерес проявляют к восточным языкам.

Эксперты считают, что угрозу нашей стране сегодня представляет так называемая «утечка умов». В мировой конкурентной борьбе за высококвалифицированные кадры Россия уступает странам Запада. Есть данные, что за 2000–2014 гг. из РФ

¹ Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.2.

Распределение численности выбывших из Российской Федерации по гражданству
 Table 1. Distribution of the number of departures from the Russian Federation,
 by nationality

Гражданство	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Выбывшие из РФ, всего	33 578	36 774	122 751	186 382	308 475	353 233	313 210
в том числе:							
граждане России	31 734	29 467	46 687	47 439	53 235	51 846	58 739
из них имеют второе гражданство	1512	291	577	625	867	903	1112
иностранцы граждане	1477	6755	74 582	137 329	251 768	298 257	250 840

Источник: Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.6.

уехало от 1,5 до 1,8 млн чел.¹ Исследования показывают, что все больше людей с высшим образованием уезжает из России. В докладе «Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений» говорится, что, по данным Росстата, в 2015 г. из России уехали 51,8 тыс. граждан, а в 2016 г. — около 60 тыс. чел. Но авторы доклада утверждают, что официальные данные сильно занижены. Согласно миграционной статистике иностранных государств, ежегодно из России эмигрируют около 100 тыс. чел. В настоящее время за рубежом живут около 2,7 млн уроженцев России, из них 1,5 млн чел. имеют российское гражданство.

Около трети эмигрантов из России едут учиться в магистратуру или аспирантуру, еще треть — работать. Половина трудовых иммигрантов в Европе находятся там по «голубой карте» для квалифицированных специалистов. Некоторые переезжают за рубеж для воссоединения с семьей. По данным Росстата, в 2016 г. в зарубежные страны из России выехали 313 210 граждан, 82,3% из них — в трудоспособном возрасте. Среди прибывших в страну мигрантов удельный вес этой возрастной категории составил 77,8%. Особое беспокойство вызывает отток молодежи — на долю возрастной категории 15–29 года приходилось 34% выбывших из нашей страны в рассматриваемом году. Среди прибывших молодых людей было 33%².

Исследования Росстата доказывают, что многие из уехавших хорошо образованы — доля таких людей в общем потоке эмиграции составляет от 30 до 70% в зависимости от принимающей страны. Данные зарубежных стран и результаты интервью с эмигрантами свидетельствуют, что последние годы наблюдается рост квалифицированной эмиграции из России — в среднем 40% переехавших из России на Запад имеют высшее образование. Общая численность образованных российских эмигрантов — около 800 тыс. чел.

Авторы названного выше доклада подчеркивают, что, несмотря на действующую уже много лет программу привлечения квалифицированных иностранных кадров, миграция в Россию не компенсирует отток высококвалифицированных специали-

¹ Эмиграция из России — куда и почему уезжают граждане РФ? [Электронный ресурс]. URL: <http://passus.ru/migratsiya/emigratsiya-iz-rossii-statistika-po-godam.html> (дата обращения: 15.10.2019).

² Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.3, 7.4.

стов. Образованных людей в страну приезжает меньше, чем уезжает. И даже если у мигранта есть должное образование, вероятнее всего, он сможет устроиться только на не требующую никакой квалификации работу¹.

Специалисты РАН отмечают, что за последние три года наблюдается рост эмиграции из страны высококвалифицированных специалистов. По словам главного ученого секретаря президиума РАН, только с 2013 по 2016 гг. количество уехавших увеличилось с 20 до 44 тыс. чел. При этом многие российские научные организации испытывают нехватку кадров. Так, в институтах Федерального агентства научных организаций за последние три года численность ученых сократилась с 69,5 до 67 тыс. чел. Кроме того, каждый третий ученый в России достиг пенсионного возраста. А уезжает из страны в основном талантливая молодежь. Исследования ученых из МГУ им. М. В. Ломоносова так характеризуют современные тенденции миграции и настроения российской молодежи: только 30% студентов твердо заявили, что ни при каких обстоятельствах не уедут из страны. Первое место среди причин, побуждающих к трудовой миграции, занимают доходы. Около 40% из числа тех, кто не уехал, но теоретически допускают такую возможность, говорили о том, что их не устраивает перспектива низкого уровня жизни.

Среди значимых причин, побуждающих к отъезду, также фигурировала невозможность реализовать собственный творческий потенциал. У многих, кто уехал, не было никакого опыта работы или имелся минимальный. Современные молодые люди амбициозны и хотят сразу заниматься тем, что им интересно и принесет желаемый доход. Респондентами отмечались еще два важных фактора, которые подталкивают уехать из страны, — это политическая нестабильность и недостаточный уровень экономической свободы. На это указывали примерно 40% участников данного опроса. Среди эмигрировавших респондентов каждый второй отметил, что окончил бакалавриат с отличием. Лишь 8 из 84 чел. указали, что успеваемость во время обучения была низкой. Среди выпускников, не совершавших эмиграции, отличную учебу отмечала существенно меньшая часть респондентов — 32%. То есть, чем выше человеческий капитал, тем больше вероятность отъезда.

Исследования выявили еще одну закономерность — студенты, которые участвовали в программах обмена с зарубежными вузами или проходили когда-то практику за рубежом, чаще выражали готовность уехать. Не менее 36% эмигрировавших участвовали в подобных программах. Выпускники экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова чаще всего переселяются в США (более 1/4), затем в порядке убывания следуют Германия, Великобритания, Нидерланды. Большая часть эмигрировавших выпускников МГУ им. М. В. Ломоносова в эмиграции работают по полученной на родине специальности. Но участники опроса признались, что если потребуется, они готовы сменить профессию, но остаться в стране пребывания.

Исследование специалистов МГУ им. М. В. Ломоносова также показывает, что уехавшие поддерживают со страной исхода очень слабые отношения. Общаются в основном с самыми близкими людьми, профессиональных вопросов это общение, как правило, не затрагивает. Некоторые участники опроса (6% респондентов) также сообщили, что деньги переводят редко, и суммы таких переводов незначительны (как правило, не более 100 долл.). При этом признались, что посещая родину в качестве туристов, не скупаются (приобретают билеты на транспорт, в театры, музеи, ходят в магазины и т. п.)².

¹ Утечка мозгов из России ускорилась [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2018/01/23/brain_drain/ (дата обращения: 15.10.2019).

² «Лекарства от утечки умов нет и не будет». Из России бегут профессионалы. Они не хотят прозябать на родине [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/18/poravalit/> (дата обращения: 10.10.2019).

Серьезную угрозу национальной безопасности России представляет не только прямая потеря интеллектуальных ресурсов вследствие миграции, но и связанное с этим возможное снижение общего уровня образования в стране. Ученые уезжают из страны потому, что недостаточно финансируются школы, университеты и проведение научных исследований, а социальный статус и уровень оплаты труда ученых в России остаются невысокими.

Ученые отмечают, что опасность для России заключается и в оттоке за рубеж предпринимателей, в которых так остро нуждается наша экономика [5; 6]. К принятию такого решения в пользу западных стран для этой категории мигрантов склоняют: стабильное и прозрачное законодательство, низкий уровень коррупции, простота открытия бизнеса, более высокая доступность кредитных ресурсов, широкие возможности найти инвесторов для своих бизнес-проектов. Как показали результаты опроса, проведенного в мае 2017 г. московской компанией «Агентство Контакт» среди 467 топ-менеджеров российских и международных фирм, в ближайшие два года каждый шестой его участник намеревается уехать в другую страну. Большинство хотят жить в США, Германии или Великобритании.

Перемещением людей воспрепятствовать нельзя. Задача государства состоит в том, чтобы изучать имеющийся международный опыт по регулированию миграции и адаптировать его к современным российским условиям. Предотвратить массовый отток специалистов может только четкая государственная политика в отношении ученых и высококвалифицированных специалистов.

А для сохранения социальной стабильности и предотвращения конфликтов на национальной и религиозной почве необходимо при реализации государственной политики учитывать национальную структуру прибывающих в страну мигрантов. По данным статистики, большая их часть приходится на страны СНГ — 88% от численности прибывших в Россию в 2016 г. иностранных граждан. Хотя более 37% этого потока приходилось на славянские государства Украину и Беларусь, значительная часть прибывших в Россию была представлена гражданами Узбекистана (13%), Казахстана (12%), Таджикистана (11%), Армении (8,5%)¹. Это требует разработки и реализации программы мероприятий по предотвращению конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве.

Если для РФ миграция в целом особой угрозы не представляет, то на уровне регионов перераспределение населения может вызвать разнообразные проблемы. В последние годы перемещения населения внутри страны значительно активизировались. Если в 2010 г. численность внутренних мигрантов не превышала 2 млн чел., то в последние годы их число удвоилось. В 2017 г. более 4 млн россиян сменили место жительства. Столь масштабное перераспределение населения способно серьезно осложнить управление социально-экономическими системами, как регионов-доноров, так и принимающей стороны. Массовый отток населения из региона может негативно сказаться на трудовом потенциале территории. Высокая привлекательность региона для мигрантов ведет к усилению нагрузки на социальную инфраструктуру. Это требует детальных исследований по выявлению основных причин и направлений миграции.

В 2017 г. наибольший вклад в миграционный оборот внес Центральный федеральный округ: на него приходилось 24% выбывших и 27% прибывших в масштабах страны. Поток выбывающих из регионов ЦФО на 3/4 представлял собой перераспределение населения внутри этого округа. По 6% переехали в ПФО и СЗФО (табл. 2).

Следующий по объему миграционного обмена федеральный округ — Приволжский. На него в 2017 г. пришлось 19,5% выбывших и 18% прибывших. 71% вы-

¹ Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.6.

Межрегиональная миграция населения в Российской Федерации в 2017 г., человек

Table 2. Interregional population migration in the Russian Federation in 2017, peoples

Территория прибытия / Территория выбытия	РФ	В федеральные округа								
		Централь- ный	Северо- Западный	Южный	Северо- Кавказский	Приволж- ский	Уральский	Сибирский	Дальнево- сточный	
Российская Федерация	4 184 467	1 125 740	564 395	418 150	167 853	752 440	370 516	563 849	221 524	
Из федеральных округов										
Центральный	1 000 837	758 629	59 313	47 056	21 663	64 050	16 907	21 217	12 002	
Северо-Западный	519 324	62 731	366 466	22 729	8915	28 839	9619	12 323	7702	
Южный	400 777	65 873	25 488	242 029	19452	15 084	12 510	12 042	8299	
Северо-Кавказ- ский	196 911	38 222	13 848	24 744	98596	5835	9 060	4146	2460	
Приволжский	814 535	109 435	41 224	22 426	5238	577 336	42 514	9 964	6398	
Уральский	390 529	28 663	16 965	20 227	7574	41 854	256 168	16 087	2991	
Сибирский	615 664	41 112	25 616	24 066	4035	11 940	20 329	471 002	17 564	
Дальневосточ- ный	245 890	21 075	15 475	14 873	2380	7502	3409	17 068	164 108	

Источники: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 103.

бывших из Приволжских регионов остались в пределах ПФО, более 13% — направились в регионы ЦФО, по 5% — в СЗФО и УФО.

15% совокупного оборота по выбытию формируют регионы Сибирского ФО. В обороте по прибытию доля этого округа составила в 2017 г. 13,5%. 76,5% бывших из сибирских регионов остались в пределах СФО, около 7% — переехали в регионы ЦФО, по 4% — в СЗФО и ЮФО. В регионы УФО выехали немногим более 3% выходцев из сибирских регионов.

Мигранты из Северо-Западного ФО тоже в подавляющем большинстве (71%) остаются в границах федерального округа, 12% переселяются в регионы ЦФО, 6% — в республики и области ПФО, 4% — в южные регионы.

В то время, как сами южане стремятся уехать в центральные регионы (более 16% в 2017 г.). Еще 6% предпочли Северо-Запад, 5% — Северный Кавказ, 4% — Приволжские регионы. Только 60% остались в пределах федерального округа.

66% мигрантов из уральских регионов перераспределяются внутри УФО, 11% переселяются в разные субъекты ПФО, 7% — в регионы ЦФО, 5% — в южные регионы, по 4% на территории СЗФО и СФО.

Выбывающие с территории Дальнего Востока распределились в 2017 г. следующим образом: 67% остались в границах ДВФО, 9% перебрались в центральные, 7% — в сибирские, 6% — южные, 3% — Приволжские регионы страны.

Активнее всего выезжают за пределы своего федерального округа жители Северного Кавказа — в пределах СКФО закрепились в 2017 г. только 50% мигрантов. Более 19% переселились в регионы ЦФО, 13% предпочли ЮФО, 7% — СЗФО, 5% — УФО, 3% — ПФО.

В результате перераспределения населения Северо-Запад и Центр страны длительный период времени испытывают значительную миграционную нагрузку, сопоставимую с той величиной этого показателя, которая во многих странах мира квалифицируется как угрожающая стабильности, или кризисная — 5–7 чел. на 1000 чел. населения (табл. 3).

В некоторых субъектах РФ рассматриваемый показатель гораздо выше, и миграционный прирост сохраняется многие годы. В 2017 г. к числу регионов с наибольшим миграционным приростом относились: г. Севастополь (202 чел. на 10 000 чел. населения), Ленинградская область (171 чел.), Санкт-Петербург (121 чел.), Московская область (111 чел.), Тюменская область без автономных округов (105 чел.), Калининградская область (99 чел.), Москва (89 чел.), Краснодарский край (63 чел.), Сахалинская область (49 чел. на 10 000 чел. населения)¹.

Это создает дополнительную нагрузку на транспортную сеть и социальную инфраструктуру региона (детские сады, школы, больницы и др.), может осложнить деятельность государственных внебюджетных фондов, негативно сказаться на конъюнктуре рынка труда, ухудшить санитарно-эпидемиологическую ситуацию, при определенных обстоятельствах дестабилизировать ситуацию в обществе и привести к возникновению конфликтов на национальной почве, росту преступности и другим негативным последствиям.

Итак, высокая миграционная привлекательность отдельных российских регионов (в первую очередь — г. Севастополя, Санкт-Петербурга, Москвы, Ленинградской, Московской, Тюменской и Калининградской областей, в которых длительное время фиксируется ежегодный миграционный прирост населения на уровне 1% и более) делает необходимой разработку программ регионального социально-экономического развития с учетом численности и состава прибывающих в регион мигрантов. Если местное население не почувствует ухудшения ситуации на рынке труда и в социальной сфере из-за присутствия на своей территории приезжих, а мигранты не

¹ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 87–88.

Коэффициенты миграционного прироста, на 10 000 человек населения

Table 3. Migration growth rates per 10,000 population

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ	19	22	21	21	19	17	18	14
Центральный федеральный округ	74	56	62	60	56	57	45	51
Северо-Западный федеральный округ	51	50	58	72	41	16	41	55
Южный федеральный округ	21	43	27	45	34	51	48	27
Северо-Кавказский федеральный округ	4	-34	-41	-40	-21	-26	-21	-26
Приволжский федеральный округ	-12	-4	-6	-5	-2	-8	-5	-12
Уральский федеральный округ	-12	31	19	3	7	3	12	0,3
Сибирский федеральный округ	-18	1	-4	-8	-4	-5	-7	-16
Дальневосточный федеральный округ	-49	-28	-32	-53	-40	-39	-28	-28

Источник: Регионы России: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 87–89.

будут ощущать на себе не только «косых взглядов», но и дискриминационных мер, а смогут на равных с местными жителями пользоваться услугами социальной сферы, значит в регионе реализуется эффективная политика в отношении мигрантов, не ущемляющая прав коренного населения.

Не менее сложные в управлении проблемы вызывает миграционный отток населения, который в 2017 г. отмечался в 54 регионах РФ. Наиболее активно протекает этот процесс в регионах Дальневосточного федерального округа. Все входящие в его состав регионы ежегодно (за редким исключением) испытывают потери населения вследствие его механического движения. Наименьшие в РФ значения коэффициента миграционного прироста длительный период времени характерны для Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа. В 2017 г. значения этого показателя были соответственно равны: -97, -119, -132 человек на 10 000 чел. населения.

Большие потери вследствие миграции несет и Северо-Кавказский ФО. Во всех входящих в его состав регионах, за исключением Республики Ингушетия, отмечается миграционная убыль населения. Особенно сильный отток наблюдается из республик Дагестан и Северная Осетия — Алания: значения коэффициента миграционного прироста в 2017 г. были соответственно равны -42 и -47 чел. на 10 000 чел. населения.

Если для Дальнего Востока отток населения — явление не новое, и вызвано оно сложными условиями жизни и хозяйствования, то для республик Северного Кавказа это не типично. Национальные традиции и семейные связи обычно способствуют закреплению населения. Наблюдаемые изменения в миграционных установках жителей этих регионов подлежат детальному изучению.

Отрицательно влияет миграция на формирование населения в Приволжском и Сибирском федеральных округах. Из-за миграционного оттока страдают большинство

приволжских регионов. Исключение составляют Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области. Наиболее сложная ситуация сложилась в Оренбургской области. В 2010–2017 гг. коэффициент миграционного прироста редко был больше –40 чел. на 10 000 чел. населения. В рассматриваемый период не намного лучше были показатели и в Кировской области.

Миграционный прирост в Красноярском крае, Новосибирской и Томской областях компенсирует значительные миграционные потери других регионов Сибирского ФО. Наибольший исходящий поток в 2010–2017 гг. характерен для Республики Тыва, но отмечается ежегодное снижение его интенсивности: с –126 чел. на 10 000 чел. населения до –33 чел. на 10 000 чел. населения. Печальным лидером по коэффициенту миграционного прироста в 2017 г. стал Забайкальский край (–74 чел. на 10 000 чел. населения), ежегодно испытывающий большой отток жителей.

В последние годы сильно активизировались перемещения населения из Омской области, в 2017 г. миграционные потери составили 50 чел. на каждые 10 000 населения региона. В Алтайском крае и Республике Бурятия коэффициент миграционного прироста в 2010–2017 гг. редко был больше –20 чел. на 10 000 чел. населения.

Далеко не все регионы Центральной России, где ситуацию в сфере миграции можно оценить как наиболее благополучную, привлекательны для мигрантов. Значительный миграционный отток практически весь рассматриваемый период отмечался в Брянской, Костромской и Орловской областях.

В Северо-Западном ФО, для которого в целом характерно положительное saldo миграции, есть регионы, в которых ежегодные миграционные потери превышают 0,5% населения — это Архангельская и Мурманская области. А коэффициент миграционного прироста в Республике Коми в 2010–2017 гг. не был выше –100 чел. на 10 000 чел. населения (за исключением 2016 г.).

В привлекательном для мигрантов Южном ФО ситуация в регионах сильно различается. Более 1% населения в среднем теряет ежегодно вследствие миграции Республика Калмыкия. Существенный отток жителей отмечается практически ежегодно и в Волгоградской области.

Итак, миграционный отток населения отмечается в большинстве субъектов РФ (в 2017 г. — в 54 регионах). Наиболее значительную угрозу устойчивому развитию представляет миграция в следующих российских регионах: Республика Коми, Республика Калмыкия, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ (ежегодные миграционные потери превышают 1% населения). Сильное негативное влияние на формирование населения и трудовых ресурсов оказывает миграция в следующих российских регионах: Архангельская, Мурманская области, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Курганская область, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия) (ежегодные миграционные потери превышают 0,5% населения).

Данные официальной статистики — это только небольшая часть реального миграционного оборота. Личный опыт, а также, например, публикации исследователей демографической ситуации в Республике Мордовия [7–11] показывают, что большая часть выехавших из республики на работу в другие регионы (чаще всего в города Москву и Санкт-Петербург, Московскую, Самарскую и Нижегородскую области) не меняют прописки, следовательно, в числе выбывших не учтены.

Особенно требовательны к условиям жизнедеятельности молодые люди. Кроме того, для этого возраста характерна высокая мобильность. Статистика подтверждает это. На возрастную категорию 15–29 года приходится 36,9%, а по межрегиональному потоку — 37,3% всех прибывших. В исходящем потоке доля этой возрастной категории выше: в общей численности — 37,2%, в межрегиональном об-

мене — 37,4% выбывших. Особенно страдают небольшие города. Удельный вес молодежи в общей численности выбывших составляет 37,6%, а в межрегиональном обмене — 37,8% (2016 г.)¹.

В наши дни многие молодые люди уезжают учиться в вузы столиц и крупных городов. Среди плюсов таких перемещений следует отметить: получение молодыми людьми хорошего образования, расширение их кругозора, налаживание контактов и связей в других регионах, обмен социальной, культурной и исторической информацией и др. Однако такие поездки нередко завершаются сменой постоянного места жительства, что негативно сказывается как на демографическом, так и экономическом развитии территорий-доноров.

Политические и социально-экономические изменения последних десятилетий предоставили людям возможность покинуть родные места и переехать в другие города и за границу. Способствуют активизации миграционных потоков и такие факторы, как отмена института «прописки», наличие относительно дешевых и быстрых способов перемещения, доступных средств коммуникации. Многих молодых людей решиться на переезд побуждает желание получить хорошо оплачиваемую работу. При этом они часто опираются на информацию, полученную от знакомых, сделавших такой шаг ранее. Современные информационные технологии, которыми большинство молодых людей уверенно владеют, позволяют молодым людям получить необходимую информацию, а возможно и установить деловые контакты еще на стадии подготовки решения о переезде, что ускоряет его принятие. Поэтому в настоящее время поток молодых мигрантов из бедных регионов РФ с целью поиска достойной работы возрастает.

Среди молодых людей наибольшую подвижность проявляют студенты. Уезжая на учебу в другой город, многие совмещают учебу с временной работой, которая впоследствии часто трансформируется в постоянную занятость. Кроме того, сезонная миграция студентов в период студенческих каникул (студенческие отряды, программы обмена, летние школы, стажировки и т. п.) также предоставляет шансы для последующего трудоустройства. Особую опасность представляет миграция молодежи для регионов с большой структурной долей населения старше пенсионного возраста. В трех российских регионах (Рязанская, Тамбовская и Тульская области) этот показатель превышает 30%, еще в 13 регионах приближается к этой отметке (табл. 4).

По мере увеличения среднего возраста жителей растет и средний возраст занятого населения. Перевод экономики на инновационный путь развития требует прилива молодых сил, обладающих самыми новыми знаниями, не обремененных штампами, способных мыслить и действовать быстро и креативно. Для закрепления молодежи в регионах необходимо развитие молодежных политических программ и общественных объединений, цель которых — создание условий для самореализации молодежи, применения творческого потенциала молодых людей в интересах развития региона. Во многих регионах большая часть безработных — молодые люди. Особенно сложно трудоустроиться выпускникам учебных заведений, поскольку работодатели требуют наличие опыта профессиональной деятельности. Один из способов решения этой проблемы, по мнению авторов, это — включение в трудовой стаж периодов производственной практики. Это требует принятия соответствующих законодательных актов.

Облегчить последующее трудоустройство могло бы и адресное распределение выпускников на преддипломную практику. Не секрет, что сегодня этот ответственный этап обучения во многом проходит формально. На самом деле этот период мог бы стать хорошей основой для формирования у молодого человека чувства

¹ Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.3, 7.4.

**Удельный вес населения старше пенсионного возраста в отдельных регионах
Российской Федерации (оценка на конец года;
в процентах от общей численности населения)**

Table 4. Proportion of population over retirement age in certain regions of the Russian Federation (year-end estimate; as a percentage of the total population)

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ	20,5	22,3	22,6	23,1	23,5	24,0	24,6	25,0	25,4
Владимирская область	24,3	25,9	26,4	26,9	27,4	27,9	28,5	28,9	29,4
Воронежская область	25,1	26,2	26,5	26,9	27,3	27,7	28,1	28,5	28,9
Ивановская область	24,8	26,1	26,5	26,8	27,2	27,6	28,1	28,5	28,9
Курская область	24,3	25,6	26,0	26,4	26,9	27,4	27,8	28,2	28,8
Липецкая область	23,5	24,9	25,4	25,9	26,3	26,9	27,5	27,9	28,5
Орловская область	24,0	25,6	26,1	26,6	27,1	27,7	28,3	28,7	29,3
Рязанская область	25,8	27,2	27,6	28,1	28,5	29,0	29,5	29,9	30,3
Тамбовская область	25,0	26,7	27,2	27,7	28,1	28,6	29,3	29,9	30,5
Тверская область	25,4	26,5	26,9	27,3	27,7	28,2	28,7	29,0	29,5
Тульская область	26,3	27,8	28,1	28,6	29,1	29,5	29,9	30,2	30,6
Новгородская область	24,3	26,0	26,5	27,1	27,7	28,2	28,7	29,1	29,7
Псковская область	24,8	26,5	27,0	27,5	28,0	28,5	29,0	29,3	29,8
Кировская область	22,0	24,5	25,1	25,8	26,5	27,3	28,0	28,6	29,2
Пензенская область	23,7	25,8	26,3	26,8	27,4	27,9	28,5	29,1	29,6
Ульяновская область	21,7	24,2	24,8	25,5	26,1	26,8	27,5	28,2	28,9
Курганская область	21,9	24,6	25,3	26,1	26,7	27,3	27,9	28,5	29,1

Источник: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 51–52.

ответственности, сопричастности к общему делу, выработки трудовых навыков, способности взаимодействия в трудовом коллективе. А для потенциального работодателя такое сотрудничество позволило бы сделать правильный выбор и обеспечить обновление кадрового состава организации с минимальными рисками и без потерь, связанных с адаптацией работника на новом рабочем месте.

Другое наше предложение касается расширения возможности реализации молодыми людьми их предпринимательских способностей. Большинство выпускников вузов не регистрируются на бирже труда, поскольку не надеются на реальную по-

мощь. Кроме того, многие амбициозные молодые люди считают, что «стоять на бирже» — удел неудачников. Из-за этого они лишены возможности участвовать в программах поддержки занятости, реализуемых государственной службой занятости. В этой связи предлагаем создать в регионах (например, при одном из вузов) молодежную биржу труда и/или допустить возможность участия в этих программах неработающих выпускников учебных заведений, не имеющих официального статуса безработного.

Результаты и обсуждение

В статье на основе анализа данных официальной статистики и экспертных оценок выявлены основные угрозы экономической безопасности и социальной стабильности со стороны миграционных процессов, а также предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию миграционных процессов и минимизацию связанных с ними экономических и социальных потерь. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения полученных результатов и предложений авторов по оптимизации миграционных потоков и минимизации связанных с массовыми перемещениями людей экономических и социальных потерь в практике управления.

Заключение

Территориальная мобильность россиян в последние годы значительно усилилась. Это касается как международной, так и межрегиональной миграции. Опыт европейских стран показывает, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызвать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Не допустить этого позволит своевременная корректировка социально-экономической политики с учетом масштабов миграции, возрастного и национального состава мигрантов.

Литература

1. Вахаев Х. М. Трудовая миграция и национальная безопасность России // Право и безопасность. 2011. № 3/4. С. 76–86.
2. Волох В. А. Концепция государственной миграционной политики России — основа миграционной безопасности страны / В. А. Волох, В. А. Суворова // NB: Национальная безопасность. 2013. № 3. С. 1–16.
3. Гаврилова Т. М. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 27. С. 67–74.
4. Дементьев Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности России // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7. С. 38–41.
5. Карпова И. В. Трудовая миграция и развитие бизнес-процессов в России // Лизинг. 2013. № 4. С. 30–41.
6. Карпова И. В. Трудовая миграция и национальный бизнес // Лизинг. 2011. № 3. С. 34–44.
7. Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период // Управленческое консультирование. 2019. № 6. С. 102–114.
8. Липатова Л. Н., Лещев Д. М., Градусова В. Н. Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2014. № 1. С. 106–119.
9. Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Развитие человеческого потенциала России: основные тенденции и потенциал роста // Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики: Материалы XI Международной научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 94–98.

10. Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. М., 2019. Ч. 1. С. 317–322.
11. Парикова Н. Миграционная привлекательность российских регионов / Н. Парикова // Человек и труд. 2012. № 5. С. 51–54.
12. Пруель Н. А., Градусова В. Н., Липатова Л. Н. Статистический анализ развития человеческого потенциала современной России // Статистика в условиях формирования цифровой экономики: материалы Международной научно-практической конференции. Саранск, 2019. С. 131–139.
13. Рыбаковский Л. Л. Миграционная политика в контексте национальных интересов России // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 12. С. 35–43.
14. Рыбаковский О. Л. Межрегиональная миграция населения // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 34–44.
15. Рязанцев С. России нужна новая миграционная политика // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1. С. 111–116.
16. Фешина С. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития северо-западного региона России / С. С. Фешина, А. С. Славянов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 24. С. 38–43.
17. Хавинсон М. Ю. Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции на региональном уровне / М. Ю. Хавинсон, М. П. Кулаков, С. Н. Мишук // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2. С. 99–111.
18. Цырюльников В. С. Маятниковая миграция в контексте управления движением трудовых ресурсов: проблемы и перспективы (по материалам Московского региона) // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2013. Т. 2. № 1. С. 52–53.
19. Юрасов И. А. Структура трудовой миграции в регионах России / И. А. Юрасов, О. А. Лузгина, В. Д. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 74–79.
20. Adugna G. Migration patterns and emigrants' transnational activities: comparative findings from two migrant origin areas in Ethiopia // Comparative Migration Studies. 2019. N 7 (1). P. 5.
21. Bijedić T., Piper A. Different strokes for different folks: The job satisfaction of the self-employed and the intersection of gender and migration background // International Journal of Gender and Entrepreneurship. 2019. N 11 (3). P. 227–247.
22. Castles S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. London : Macmillan. 1993.
23. Deleva Ž. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches // Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010. N 4. P. 3–40.
24. Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. N 60. P. 126–142.
25. Holliday J., Hennebry J., Gammage S. Achieving the sustainable development goals: surfacing the role for a gender analytic of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. N 45 (14). P. 2551–2565.
26. Hughes C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens // Demography. 2019. N 56 (5). P. 1573–1605.
27. Juchem Neto J. P., Claeysen J. C. R., Pôrto Júnior S. S. Returns to scale in a spatial Solow–Swan economic growth model // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019. 533, 122055.
28. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. N 3. P. 47–57.
29. Massey D. A Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration. 2002. N 10. P. 143–153.
30. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollied. New York : Routledge. 2000. P. 42.
31. Oishi N. Gender and Migration: An Integrative Approach // The Center for Comparative Immigration Studies CCIS University of California working paper. 2002. N 49. P. 1–18.
32. Ravenstein E. The Birthplace of the People and the Laws of Migration // The Geographical Magazine. 1876. N 3. P. 173–177, 201–206, 229–233.
33. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. N 46. P. 167–235.
34. Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. N 52. P. 241–305.

35. *Sassen S.* Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2000. N 570. P. 65–77.
36. *Sassen S.* *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow.* New York : Cambridge University Press. 1988. P. 240.
37. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review.* 1940. N 5. P. 845–867.
38. *Wang L., Zheng Y., Li G., Abbey C., Rozelle S.* Academic achievement and mental health of left-behind children in rural China: A causal study on parental migration // *China Agricultural Economic Review.* 2019. N 11 (4). P. 569–582.
39. *Zelinsky W.* The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review.* 1971. N 61. P. 219–249.
40. *Zipf G.* *Human Behavior and the Principle of Least Effort.* Cambridge : Addison-Wesley Press. 1949.
41. *Zipf G.* The (P1P2/D) hypothesis: on the intercity movement of persons // *American Sociological Review.* 1946. N 11. P. 677–686.

Об авторах:

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; vgradusova@gmail.com

References

1. *Vakhaev H.M.* Labor Migration and National Security of Russia // *Law and Security [Pravo i bezopasnost'].* 2011. N 3/4. P. 76–86. (In rus)
2. *Volokh V.A.* The concept of state migration policy of Russia is the basis of migration security of the country / *V.A. Volokh, V.A. Suvorova* // *NB: National Security [NB: Natsional'naya bezopasnost'].* 2013. N 3. P. 1–16. (In rus)
3. *Gavrilova T.M.* Impact of Migration Processes on Russian Economic Security // *National Interests: Priorities and Security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'].* 2011. N 27. P. 67–74. (In rus)
4. *Demytyev N.V.* External labour migration as an indicator of Russian economic security // *Socio-economic phenomena and processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy].* 2011. N 7. P. 38–41. (In rus)
5. *Karpova I.V.* Labor migration and development of business processes in Russia // *Leasing [Lizing].* 2013. N 4. P. 30–41. (In rus)
6. *Karpova I.V.* Labor Migration and National Business // *Leasing [Lizing].* 2011. N 3. P. 34–44. (In rus)
7. *Lipatova L.N., Gradusova V.N.* Main Trends and Problems of Human Development of Russia in the Post-Soviet Period // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie].* 2019. N 6. P. 102–114. (In rus)
8. *Lipatova L.N., Leschev D.M., Gradusova V.N.* Impact of Migration on Formation of Labor Potential of Population // *Journal of Research Institute of Humanities under the Government of the RM [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve RM].* 2014. N 1. P. 106–119. (In rus)
9. *Lipatova L.N., Mokrova M. Yu.* Development of human potential of Russia: main trends and growth potential // *State and business. Digital Economy Ecosystem: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference.* SPb., 2019. P. 94–98. (In rus)
10. *Lipatova L.N., Mokrova M. Yu.* Current trends of human development of Russia // *Russia: Trends and prospects of development. Year-book [Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik].* Issue. 14 / RAS. INION. M., 2019. Part 1. P. 317–322. (In rus)
11. *Parikova N.* Migration attractiveness of Russian regions / *N. Parikova* // *Person and work [Chelovek i trud].* 2012. N 5. P. 51–54. (In rus)
12. *Pruel N.A., Gradusova V.N., Lipatova L.N.* Statistical Analysis of Human Development of Modern Russia // *Statistics in the Conditions of Digital Economy Formation: Materials of the International Scientific and Practical Conference.* Saransk, 2019. P. 131–139. (In rus)

13. Rybakovskiy L. L. Migration Policy in the Context of the National Interests of Russia // Standard of Living of the Population of the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]. 2011. N 12. P. 35–43. (In rus)
14. Rybakovskiy O. L. Interregional population migration // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2011. N 4. P. 34–44. (In rus)
15. Ryazantsev S. Russia needs a new migration policy // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. 2012. V. 10. N 1. P. 111–116. (In rus)
16. Feshina S. S. Labor Migration and the Problem of Innovative Development of the North-Western Region of Russia / S. S. Feshina, A. S. Slavyanov // National Interests: Priorities and Security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']. 2013. N 24. P. 38–43. (In rus)
17. Khavinson M. Yu. Forecasting of dynamics of external labor migration at the regional level/M. Yu. Khavinson, M. P. Kulakov, S. N. Mischuk // Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2013. N 2. P. 99–111. (In rus)
18. Tsyrulnikov V. S. Shuttle Migration in the Context of Labor Movement Management: Problems and Prospects (according to the materials of the Moscow Region) // Management of Personnel and Intellectual Resources in Russia [Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii]. 2013. V. 2. N 1. P. 52–53. (In rus)
19. Yurasov I. A. Structure of labor migration in regions of Russia / I. A. Yurasov, O. A. Luzgina, V. D. Dorofeev // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki]. 2012. N 4. P. 74–79. (In rus)
20. Adugna G. Migration patterns and emigrants' transnational activities: comparative findings from two migrant origin areas in Ethiopia // Comparative Migration Studies. 2019. N 7 (1). P. 5.
21. Bijedić T., Piper A. Different strokes for different folks: The job satisfaction of the self-employed and the intersection of gender and migration background // International Journal of Gender and Entrepreneurship. 2019. N 11 (3). P. 227–247.
22. Castles S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. London : Macmillan. 1993.
23. Deleva Ž. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches // Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010. N 4. P. 3–40.
24. Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. N 60. P. 126–142.
25. Holliday J., Hennebray J., Gammage S. Achieving the sustainable development goals: surfacing the role for a gender analytic of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. N 45 (14). P. 2551–2565.
26. Hughes C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens // Demography. 2019. N 56 (5). P. 1573–1605.
27. Juchem Neto J. P., Claeysen J. C. R., Pôrto Júnior S. S. Returns to scale in a spatial Solow–Swan economic growth model // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019. 533,122055.
28. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. N 3. P. 47–57.
29. Massey D. A Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration. 2002. N 10. P. 143–153.
30. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollield. New York : Routledge. 2000. P. 42.
31. Oishi N. Gender and Migration: An Integrative Approach // The Center for Comparative Immigration Studies CCIS University of California working paper. 2002. N 49. P. 1–18.
32. Ravenstein E. The Birthplace of the People and the Laws of Migration // The Geographical Magazine. 1876. N 3. P. 173–177, 201–206, 229–233.
33. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. N 46. P. 167–235.
34. Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. N 52. P. 241–305.
35. Sassen S. Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2000. N 570. P. 65–77.
36. Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. New York : Cambridge University Press. 1988. P. 240.
37. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. N 5. P. 845–867.

38. Wang L., Zheng Y., Li G., Abbey C., Rozelle S. Academic achievement and mental health of left-behind children in rural China: A causal study on parental migration // China Agricultural Economic Review. 2019. N 11 (4). P. 569–582.
39. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. N 61. P. 219–249.
40. Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge : Addison-Wesley Press. 1949.
41. Zipf G. The (P1P2/D) hypothesis: on the intercity movement of persons // American Sociological Review. 1946. N 11. P. 677–686.

About the authors:

Lyudmila N. Lipatova, Professor of the Chair of Economics of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Sociology), PhD in economics, Associate Professor; In.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in economics, Associate Professor; vgradusova@gmail.com